

ЛЕОНТЬЕВ Д. А.

Новые ориентиры понимания личности в психологии:
От необходимого к возможному¹

Предлагаются методологический анализ современной психологии личности и новые ориентиры ее понимания. Автор критически анализирует имплицитные допущения, на которых строится современная психология личности, и указывает пути их преодоления на основе идей и концепций, введенных в последние десятилетия. Центральным в предлагаемой концепции выступает анализ проблемы детерминизма в психологии личности, приводящий к выводу о неизбежности рассмотрения личности как единства необходимого и возможного; рассматриваются экспериментальные обоснования этого тезиса и некоторые теоретические следствия.

Ключевые слова: личность, методология, системный подход, экзистенциальная психология, детерминизм, самодетерминация, необходимое, возможное, фактическое, трансценденция, рефлексивное сознание, поступок.

Сведи к необходимым всю жизнь,
И человек сравнивается с животным.

Шекспир У. Король Лир. Пер. Б. Пастернака. Акт 2, сцена 4.

В 2001—2002 гг. под руководством автора на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова начала складываться неформальная исследовательская группа по изучению психологии самодетерминации, включавшая в себя преимущественно студентов и аспирантов. Мы стремились нащупать новые подходы в изучении личности в отсутствие априорной исследовательской программы, методов и т.п., не порывая при этом с устоявшейся методологией и базой знаний, стараясь найти и заполнить в них белые пятна. Работой группы руководил интерес прежде всего к тем аспектам личности, которые не изучались традиционной

---

¹ Вопросы психологии. 2011. № 1.

психологией и традиционными широко распространенными методами, но не по каким-то принципиальным методологическим причинам, а просто в силу отсутствия подходов и инструментов. За прошедшее время разрозненные исследования и первоначально разрозненные теоретические идеи сложились в далеко еще не законченную, но вполне целостную концепцию и исследовательскую программу. На данный момент группа выросла в межкафедральную лабораторию факультета психологии МГУ по психологическому изучению качества жизни и личностного потенциала; в русле ее исследовательской программы созданы специализированная лаборатория проблем развития личности лиц с ограниченными возможностями здоровья в МГППУ и лаборатория позитивной психологии и качества жизни в Высшей школе экономики; проводятся также исследования в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова, в вузах и научных центрах других городов, от Минска и Смоленска до Томска и Камчатки.

Цель данной статьи — эксплицировать методологические и общетеоретические ориентиры этого интенсивно развивающегося направления исследований, прежде всего в контексте состояния мировой психологии личности в начале нового тысячелетия.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТУПИКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Не претендуя на охват всей психологии личности, хотелось бы эксплицировать главные послышки, на которых базируется основная линия психологии личности XX в., во многом зашедшая в методологический тупик, хотя наряду с этой основной линией возникают и развиваются многообразные альтернативные подходы. Господствующая в этой области методология эмпирических исследований носит ограниченный характер, что связано прежде всего с тем, что из правильных принципиальных теоретических обобщений имплицитно делаются следующие уже не столь бесспорные выводы, которые и направляют исследования.

1. Из детально аргументированного еще в 1920-е гг. положения о том, что психологические феномены законосообразны, подчиняются не

просто стохастическим закономерностям, а достаточно четким и однозначным законам (см. [20]), выводится ложное, логически не вытекающее из него следствие, что у всех людей одни и те же психологические феномены подчиняются *одним и тем же* законам. Если мы изучаем разные выборки, разные группы, разные культуры, то, как правило, речь идет о том, что «уравнения» включают в себя разные параметры, разные константы, но сами уравнения в принципе не меняются, законы носят общий характер.

2. Из эмпирической очевидности индивидов как целостных и отграниченных друг от друга объектов анализа, жестко определенных в своих границах, выводится аналогичный, но также не столь однозначный вывод в отношении личности: изучая, мы изучаем *четко отграниченную от других единицу*. У нее есть черты, свойства, состояния, являющиеся неотъемлемым достоянием именно этой единицы, отличающие ее от других единиц. Это, однако, нельзя переносить на такие сравнительно недавно вошедшие в сферу психологического анализа личности переменные, как смыслы, ценности, сценарии, нарративы и др., которые транслируются от индивида к индивиду (см. [31]).

3. Из неоспоримой констатации того, что определенные феномены, с которыми мы сталкиваемся в этой области, не вписываются в естественнонаучную парадигму количественного измерения и требуют феноменологического анализа, понимания, интерпретации, диалогического подхода и др., делается необоснованный вывод об *альтернативности и даже несовместимости* гуманитарного и естественнонаучного подходов к психологии человека, между которыми надо выбирать: или—или.

4. Из вполне адекватной и разумной посылки о том, что психологические феномены входят, как и вся остальная реальность, в сферу научного познания, делается не вполне обоснованный вывод, что все психологические феномены *полностью детерминированы* в том понимании, в котором идея детерминизма присутствует в естественных науках, и объясняются причинно-следственными связями, например, поведение описывается как функция от личности и ситуации [20]. В

книгах по методологии психологии формулируется принцип детерминизма, означающий, что все неслучайно, все детерминировано, все обусловлено. Вместе с тем в психологии существуют модели «жесткого» и «мягкого» детерминизма (см. [33]); детерминизм не тождествен пандетерминизму [65), и пространство детерминизма находится во взаимодействии с пространством человеческой свободы [79].

5. Из большого объема данных, полученных на больших выборках, в которых выявляются убедительные значения корреляции генетических переменных, фиксируемых к моменту рождения, и психологических переменных, фиксируемых в том или ином возрасте, делаются выводы о *«генетической детерминированности»* тех или иных психологических процессов и форм поведения. Однако наличие даже очень высокосвязанной корреляции не позволяет говорить о фатальном детерминизме. Наследственность можно метафорически уподобить настройкам компьютера «по умолчанию». Если взять большую выборку людей, которые приобрели в магазине готовые к работе персональные компьютеры, и через два-три года сопоставить их настройки и особенности работы с настройками, которые стояли «по умолчанию» в момент покупки, то мы, без сомнения, обнаружим весьма высокую их корреляцию — ведь большинство пользователей просто «не залезает» в настройки, а многие и не подозревают об их существовании. Следует ли из этого, что настройки не могут меняться? Нет, просто лишь небольшое число пользователей что-то переделывают для себя в настройках, подавляющее же большинство сохраняет их по умолчанию.

Возможно, по аналогии с этим следовало бы трактовать и «генетическую детерминированность». Мы не очень квалифицированные «пользователи самих себя», и убедительные корреляции определенных поведенческих переменных с их генетическими предпосылками, в частности, по данным близнецовых исследований, не говорят о том, что генетические механизмы жестко детерминируют формы поведения. Это происходит, лишь если личность не включается в этот процесс в качестве способного радикально трансформировать его «третьего фактора» [72].

Преувеличение меры фатальности влияний среды, наследственности и других детерминирующих нашу жизнедеятельность факторов является, видимо, прямым следствием отсутствия знания и понимания того, как можно что-то менять в себе и своей жизни. Многим практическим психологам прекрасно известно, насколько далеко эти возможности выходят за рамки расхожих представлений, хотя добиться понимания этого трудно потому, что это именно возможности, реализация которых не гарантирована и зависит от очень многих факторов. Трудно в стиле популярных книг сформулировать четкие алгоритмы того, что можно, а что нельзя и какой путь ведет к гарантированному успеху, хотя попытки и делаются [80]. Во всяком случае, внутренний цензор, порождающий априорные самоограничения, как обычно, строже внешнего.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия психология личности так и не смогла выйти из плена ряда основополагающих бинарных оппозиций, которые в свое время сыграли в ее развитии прогрессивную роль, но на данный момент вполне себя исчерпали: биологическое—социальное, свобода—детерминизм, личность—ситуация, гуманитарное—естественнонаучное, врожденное—приобретенное, ситуативное—устойчивое.

Отчасти их исчерпанность связана с тем, что эмпирическая психология личности, которая развивалась на протяжении XX в., во многом отталкивалась от обыденного сознания, для которого очевидно, что каждый человек равен самому себе, что в разных ситуациях он поведет себя во многом схожим образом. Это заметил, описал и констатировал еще Феофраст и обобщил Аристотель: человек ведет себя так или иначе в силу своей природы, того, что в него заложено, — личностной диспозиции, темперамента, характера и т.д. — «первый взгляд» на причины поведения, как это назвал Х. Хекхаузен [66; 18]. Если поведение человека обнаруживает вариативность в разных ситуациях, естественным образом возникает идея о ситуативных влияниях, о реагировании на особенности ситуации, окружения, об адаптации к внешним факторам; Х. Хекхаузен [66; 19] описал это как «второй взгляд». «Второй взгляд» в чистом виде продержался совсем

недолго, плавно перейдя в «третий взгляд» [66; 27–28], в парадигме которого мы и живем до сих пор: причины всего видятся во взаимодействии личности с ситуацией, зависимые переменные являются в конечном счете функцией взаимодействия этих двух групп детерминант. Законы сопряжения внутренних и внешних причин довольно универсальны, едины для всех, главное, точно все измерить, а гуманитарно-понимающий, гуманистический и т.п. подходы не имеют к научной психологии никакого отношения.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ В НАУКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Сегодня указанные предпосылки, на которых основывается психология личности, вряд ли могут удовлетворять, тем более что во второй половине XX в. в мировой науке возник ряд новых идей, которые не вписываются в эти предпосылки.

1. Идеи системного подхода, которые предполагают, что *любые закономерности могут меняться в зависимости от других закономерностей, действующих на более высоких уровнях*. В. Франкл [65] отмечал, что ограничения и жесткие детерминационные связи, господствующие на телесном и душевном уровнях организации человека, преодолеваются на более высоком, духовном уровне организации. В развернутом виде эта идея содержится в теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина [49]; он считал, что если связи между свойствами, или переменными (элементами системы), принадлежащими к одному и тому же уровню системной организации, носят, как правило, одно-однозначный характер, то связи между свойствами, относящимися к разным уровням, являются иными: одно-многочисленными и много-многочисленными. Другими словами, одно свойство может быть одновременно связано с разными связями других уровней. Более того, возможны не прямые, а опосредованные связи между свойствами, которые можно метафорически назвать транзисторными и связями по аналогии с электродинамикой в полупроводниковых соединениях. В простейшем транзисторе имеются два электрода, между которыми течет ток, когда цепь замкнута, и третий, опосредующий это замыкание; в зависимости от подаваемого на него тока меняется сила тока между двумя другими, т.е. устанавливается связь

более высокого уровня, которая изменяет процессы на более низком уровне. Последние в результате не носят инвариантного характера, они могут изменяться под влиянием более высоких закономерностей.

2. Идеи эволюционизма, которые предполагают, что *закономерности некоторого процесса не остаются всегда неизменными; в ходе развития одни из них сменяются другими*. Например, развитие личности ребенка до подросткового возраста сильнее всего коррелирует с характеристиками семейного окружения и родительского отношения; с подросткового возраста, однако, эта связь пропадает, и наиболее сильное влияние на формирование личности ребенка начинают оказывать характеристики активности самого ребенка, точнее, подростка [51]. Другой пример: по последним данным обработки известного Гарвардского лонгитюда, участники которого проходят регулярные психологические обследования на протяжении более полувека, предикторы продолжительности жизни, здоровой и эмоционально благополучной старости оказываются разными в разные возрастные периоды: физическая активность, интеллектуальная активность, курение и другие позитивные и негативные факторы сильно сказываются на благополучной старости в одном возрасте и почти не влияют в другом [82]. Несмотря на непрерывность самого процесса развития, в нем есть свои критические точки, в которых меняются характер движущих сил, ключевые закономерности, управляющие этим процессом.

3. Гуманитарный взгляд на человека, в свете которого в предмет изучения наук о человеке были введены содержания: смыслы, ценности, идеи, образы, символы, т.е. то, что имеет качественную характеристику, что можно семиотически описать, что имеет более или менее устойчивое значение. *Все содержания не являются достоянием лишь того индивида, в сознании которого мы их обнаруживаем*; если на уровне свойств, процессов и состояний, традиционно изучавшихся психологией, мы все оказываемся по отношению друг к другу замкнутыми монадами, то в плане содержаний мы все разомкнуты по отношению друг к другу. Существует процесс циркуляции содержаний, их диалогического взаимодействия и обмена, и эта циркуляция связывает разных индивидов не только между собой, но и с общим культурным фондом человечества. Понятие неклассической психологии

в узком смысле слова отождествляется в данном случае с акцентом на изучение процессов циркуляции содержаний между индивидуальным сознанием и культурой [29]; именно эта циркуляция отличает личность от индивидуальности (см. подробнее [28]). Важно, что в число содержаний входит не только фактическое, но и возможное; на этом мы остановимся ниже. Специфической качественной методологией гуманитарного подхода выступает методология качественных исследований, развитие которых получило большой импульс в последние десятилетия (см. [63]).

4. Идеи экзистенциального миропонимания (см. [22]) и некоторых родственных ему подходов, в частности деятельностного, в психологии. В них реализуется идея «существование предшествует сущности» [60; 323]. Если традиционное психологическое исследование рассматривает поведение как функцию от личности и ситуации, предполагая, что ситуативные процессы поведения производны от устойчивых диспозиций, то экзистенциально-деятельностный взгляд утверждает, что *деятельность, процесс, бытие в мире первичны по отношению к их кристаллизованным в личностных структурах формам*: посеешь поступок — пожнешь привычку, но не наоборот.

5. Представления о том, что *сознание выступает основой психологического функционирования особого рода, не сводимого к действию закономерно срабатывающих автоматизмов*, которые описываются традиционной психологией ([8], [43] и др.). Включение сознания в схему рассмотрения приводит к своеобразному «удвоению» психологической реальности. Наряду с эмоциями как таковыми обнаруживается вторичное отношение к собственным эмоциям, от которого в конечном счете зависит не меньше, чем от самой исходной эмоциональной реакции. Например, известно, что тревога по поводу непредсказуемости будущего сама по себе не приводит к негативным последствиям, если человек не начинает испытывать вторичную тревогу из-за своей тревоги и пытаться устранить ее (см. [38]). На это обращают внимание и современные западные авторы: «Люди — не просто пассивные субъекты, которые испытывают эмоции. Помимо переживания эмоций, индивиды отслеживают их, регулируют и в

некоторых случаях борются с ними. Индивиды формируют отношения со своими собственными субъективными, поведенческими и физиологическими аффективными реакциями, которые могут способствовать уязвимости по отношению к психологическому дистрессу и расстройствам (например, тревожность, подавление) или, наоборот, сопротивляемости, повышая вероятность эмоционально удовлетворяющего, вовлеченного и осмысленного существования» [75; 303]. Т. Кашдан ссылается на растущие свидетельства того, что регуляция является очень важным фактором в позитивных психологических процессах и их исходах, и подчеркивает, что одна из трудностей понимания регуляции эмоции заключается в том, что эмоции могут регулироваться как произвольными, целенаправленными и предполагающими некоторые усилия стратегиями, так и автоматическими, спонтанными процессами. В одном случае налицо сознательная регуляция, в другом — автоматическая регуляция; уже начинают появляться исследования, в которых эти два способа регулирования положительных эмоций и их возможные синергетические взаимодействия сопоставляются между собой.

Аналогичное удвоение обнаруживается не только применительно к эмоциям, но и практически везде. Так, наряду с мотивами, побуждающими действие, немалую роль играет отношение личности к своим мотивам, выражающееся в разной степени их «приватизации», принятия личностью, признания ответственности за них (см. [52], [64]). Это отношение, предпосылкой которого служит рефлексивное сознание (см. ниже), гораздо вариативнее, чем сами мотивы, и может существенно влиять на их проявление. Люди, имеющие одни и те же ценности, могут по-разному относиться к этим ценностям. Есть выбор, который мы делаем, но при одном и том же фактическом выборе может быть разное отношение к собственному выбору (см. [41]). Другими словами, *над уровнем произвольно функционирующих механизмов существует рефлексивная «надстройка», существенно влияющая на функционирование этих механизмов; предпосылкой подобной рефлексивной саморегуляции служит самодистанцированное рефлексивное сознание.* Черты, мотивы, эмоции, состояния — это то,

что мы в себе обнаруживаем, но не порождаем, мы их носители, но не авторы. Кроме них, однако, есть еще стратегии и цели, которые мы творчески вырабатываем. Именно благодаря им человек может выступать как субъект жизнедеятельности.

Важно подчеркнуть, во-первых, факультативность этой рефлексивной надстройки, ее существование лишь как возможности, но не как универсальной необходимости. Эмоции, черты, состояния, побуждения, устойчивые тенденции поведения и диспозиции всегда есть у любого человека и не только человека. Не всегда, однако, и не у всех мы обнаруживаем какие бы то ни было цели, стратегии, рефлексивное сознание. Более типично, увы, детерминированное, программируемое и прогнозируемое существование, которое сводится к императивной необходимости и в котором не реализуется множество факультативных возможностей, являющихся частью собственно человеческого потенциала. Во-вторых, особенностью описанного рефлексивного отношения является его независимость от первичного, базового, «естественного» механизма. Даже переживание собственного безусловного счастья может вызывать парадоксальный дискомфорт на рефлексивном уровне, например, настороженность из-за непривычки к такому состоянию, ощущение вины и незаслуженности, переживание неправильности безмятежного счастья в мире, где люди страдают и гибнут... Или, как афористично сформулировал писатель и психолог Андрей Гусев: «Нет денег — нормальное состояние. Есть деньги — ненормальное состояние. Много денег — ужасное состояние». Когда мы переходим на уровень рефлексивного сознания и позиции по отношению к самому себе, в том числе к собственной деятельности и личности, мы вступаем в мир парадоксов и сложных диалектических противоречий. Эти и другие новые идеи создают предпосылки для радикального переосмысления понятия личности в психологии и стратегий и ориентиров ее исследования. Несколько утрируя, можно сказать, что *существуют две психологии: психология естественного человека как пассивного, влекомого, управляемого, предсказуемого существа и психология рефлексивного человека, выступающего субъектом собственной активности.* Эта вторая психология

представлена на сегодняшний день в первую очередь экзистенциальной психологией и культурно-исторической и деятельностной психологией. И та и другая описывают собственно человеческий режим психологического функционирования человека на основе характерных для него механизмов овладения произвольной саморегуляцией, рефлексивного сознания и опосредствования. В этом режиме осознанного функционирования человек, ориентируясь больше на возможности, чем на необходимость, оказывается намного менее детерминирован и предсказуем, чем в режиме автоматического функционирования поведенческих «механизмов». По большому счету, все подходы, которые описывают человека как управляемое, пассивное, запрограммированное существо, легко предсказуемое в своих действиях, абсолютно правы с одной оговоркой — чтобы полностью соответствовать этим прогнозам, необходимо расслабиться и выключить рефлексивное сознание. Тогда мы оказываемся программируемыми и прогнозируемыми существами, одинаковыми в своем поведении и в принципах организации своей жизнедеятельности.

Попыткой переосмысления на этой основе стратегических ориентиров понимания и исследования личности в психологии и является данная статья. Сразу оговорим, что мы отнюдь не призываем отказаться от того, что наработано традиционной психологией; речь идет лишь об осознании ограниченности этих представлений. Не отрицая того, что «первая психология» успешно выявила и продолжает выявлять многие реально работающие закономерности, принося немало практической пользы, мы видим все больше свидетельств того, что этими закономерностями не исчерпывается психология личности. Личность проявляет себя, причем в своих наиболее существенных характеристиках, на ином, более высоком уровне функционирования, на котором иные закономерности более высокого порядка могут преодолевать действие базовых, универсальных закономерностей, подобно тому как взлетающий самолет, не отменяя законов тяготения, преодолевает их действие благодаря использованию законов более высокого порядка — законов аэродинамики. «Вторая» психология вбирает в себя первую, обозначая ее границы, подобно тому как физика

Эйнштейна обозначила границы применимости Ньютоновой физики, не отрицая ее в целом. Основной проблемой оказывается проблема сопряжения достаточно разных языков и терминологических систем, на которых описывается функционирование человека в одной и в другой системах отсчета. Они различаются между собой во многих отношениях, однако в качестве системообразующего момента мы рассматриваем проблему детерминизма/самодетерминации жизнедеятельности личности, связывая «первую», традиционную психологию с акцентом на необходимости и детерминированности, а «вторую» психологию — с акцентом на возможности и самодетерминации.

КОНТУРЫ НОВОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Х. Хекхаузен упоминал еще «четвертый взгляд», в котором он видел перспективу, завтрашний день психологии мотивации, — взгляд на внешнюю ситуацию как на пространство не стимулов, а возможностей [66; 32]. Именно с введением в лексикон психологии личности категории возможного как ключевой категории мы связываем выход психологии личности на новый уровень понимания и новый оперативный простор.

Значимость категории возможного для понимания человека подчеркивали в свое время самые разные философы и психологи, иногда в очень энергичных выражениях, но, как правило, весьма тезисно, неразвернуто, как бы между делом. В числе первых, кто ввел эту категорию в человекознание, были Ф. Ницше и У. Джеймс; позднее об этом писали Ж.-П. Сартр, В. Франкл, М. Босс, С. Мадди, Х. Хекхаузен, М. Чиксентмихайи; из русскоязычных авторов этой проблеме уделяли серьезное внимание М. К. Мамардашвили, А. М. Лобок, А. А. Брудный, Г. В. Иванченко. Однако практически единственным автором, у кого эта идея оказалась проработана последовательно и завершено, является М. Н. Эпштейн [68], [69]. В его «Философии возможного» вводится строгое логическое модальное определение «возможного» — «это то, что может быть», хотя и не обязано быть [69; 290], в отличие от «необходимого» как того, «что не может не быть» [69; 291]. Взгляд под этим углом зрения на все продукты человеческого духа позволяет убедиться, что не приходится аргументированно говорить о том, что они

детерминированы, т.е. необходимо должны были быть созданы и быть именно такими, какими они оказались. Можно в качестве примера рассмотреть исторические деяния выдающихся людей, которые отличает как раз их не предопределенность, или произведения искусства, особой ценностью из которых отмечены те, что нарушают ожидания аудитории. М. К. Мамардашвили говорил про целый ряд феноменов — добро, любовь, мысль, свободу, — что они невозможны, но случаются [44], [46]. Это значит, что нет таких законов, таких формул, таких причинных цепей, которые бы детерминистически порождали эти феномены. Строго говоря, в терминах модальной логики М. Н. Эпштейна применительно к ним некорректно говорить о невозможном, так как они случаются, но они не необходимы, за ними не стоят какие-то закономерности, которые бы их законосообразно порождали.

С этим связан выдвигаемый нами *первый тезис* назревшего нового подхода к пониманию личности: *в предметную область психологии, в частности, психологии личности, входит особая группа феноменов, которые относятся к области «возможного» и не порождаются причинно-следственными закономерностями.* М. К. Мамардашвили писал про это применительно к проблеме добра и зла: если мы попытаемся проанализировать, что привело преступника к преступлению, мы часто можем выяснить и проследить цепочку причинно-следственных связей, факторов и закономерностей (наследственность, неблагополучная семья, дурное влияние улицы и т.д.), но если мы поставим вопрос о том, что вызвало какой-то добрый поступок, это будет невозможно, ибо нет таких причин, которые по автоматически действующему механизму порождали бы добро. Эти феномены не «необходимы», но они и не случайны, не имеют чисто вероятностной природы. Они связаны с уникальной природой человека как «кентаврического» существа, которое является объектом и естественнонаучного, и гуманитарного рассмотрения. *Соотношение естественнонаучной и гуманитарной парадигм понимания человека определяется тем, что естественнонаучная психология изучает человека как обусловленное существо, крайне сложный автомат, а психологические феномены — в тех аспектах, в которых они*

выступают как «необходимые», т.е. порождаемые причинно-следственными закономерностями, как то, чего «не может не быть». Гуманитарная, или, как в последнее время часто говорят, «неклассическая психология» изучает их в тех аспектах, в которых они выступают как недетерминированные, «возможные».

В психофизиологическом функционировании человека, личности присутствует и то и другое. Есть целый ряд феноменов, которые удается понять только как возможные, недетерминированные, негарантированные. В ноябре 1999 г. автор данной статьи зашел в типографию, где печаталась его книга «Психология смысла», узнать, как обстоят дела. Типографские работники, удовлетворив любопытство автора, задали свой вопрос: а что вообще говорит современная наука — смысл есть или его нет? Озадаченный автор, после некоторой паузы, ответил «от имени современной науки»: если считать, что смысл есть, то он будет, а если считать что смысла нет, то его и не будет, потому что взяться ему в этом случае неоткуда. Эта формула парадоксальна с точки зрения традиционной психологии, с точки зрения классического детерминизма, но, тем не менее, реальность такова: смысл сам себя порождает.

Добавим к этому личному примеру пару столь же показательных примеров из истории. У. Джеймс, происходивший из гуманитарной семьи — его отец был известным богословом, а младший брат стал знаменитым писателем, — в молодые годы учился в Европе на врача. «Потеряв веру в свободу волеизъявления, он был совершенно подавлен мыслью, что все его поступки не более чем простые реакции, как у павловских собак, и тогда невозможно достижение никаких целей. Состояние депрессии длилось несколько месяцев, и он уже подумывал о самоубийстве» [50; 130]. В конце концов он нашел выход: «Ему пришло в голову *поставить* на свободу. Он решил, что, просыпаясь утром, он будет верить в свободу хотя бы на один день. Он выиграл свою ставку. Вера в свободу обернулась *самой* свободой» (Там же). В решении этой проблемы родился главный принцип позднее сформулированной У. Джеймсом философии прагматизма [11], который перекликается с тем, что в последнее время описывается в психологии

как механизм «самоосуществляющегося пророчества»: если верить в свободу, то она становится реальностью, а если верить в несвободу, детерминированность, то они тоже становятся реальностью. «Даже если существование свободного выбора недоказуемо, человек, который верит в него, все равно по какой причине, будет вести себя иначе, чем человек, который не верит. Сталкиваясь с огромным давлением обстоятельств, провоцирующих деловую нечестность, бизнесмен, верящий в строгий детерминизм, будет скорее склонен ему поддаться, чем его коллега, убежденный, что как бы то ни было, человек свободен занять свою позицию и противостоять любым силам, влияющим на его поведение» [71; 11]. Ставя на несвободу, я также выигрываю свою ставку, но свободу при этом проигрываю. Это беспроегрывная игра, но выигрыш в ней может оказаться совершенно разным. Другой пример, который приводит Р. Мэй, — пример Б. Паскаля, который аналогичным образом в отсутствие достоверного знания решил поставить на то, что во Вселенной есть смысл, — в результате этого смысл реально возник [50].

Второй тезис вводит иерархические отношения между сферой необходимого в человеке и сферой возможного. Некоторое время тому назад автором был предложен метафорический образ «пунктирного человека» [30], под которым подразумевается, что **человек не всю свою жизненную траекторию проходит на одном и том же уровне, не все время действует и функционирует как человек, реализуя человеческий потенциал.** Схожая идея была предложена философом Ф. В. Лазаревым в его «интервальном подходе», который признает множественность частных перспектив и взглядов на человека [19]. Не случайно популярны такие метафоры, как «животное существование» и «растительное существование»; мы проходим часть траектории нашей жизни, временно регрессируя на более примитивные, субчеловеческие уровни, подобно тому как самолет, едущий по шоссе или по взлетной полосе, не проявляет своего потенциала самолета и не выходит за рамки возможностей автобуса. В человеке есть все то, что есть у более низкоорганизованных животных, благодаря чему он может функционировать на «животном» уровне, не включая свои

специфические человеческие проявления. ***Траектория человека в мире является пунктирной, прерывистой, потому что отрезки функционирования на человеческом уровне перемежаются отрезками субчеловеческого функционирования.*** При этом человеческий и субчеловеческий режимы функционирования не равноправны. Существование на субчеловеческом уровне основано на общебиологических механизмах, подчиняется законам природы, причинной необходимости, поэтому оно протекает «на автопилоте». Привлекательность такого функционирования, «искушение субчеловеческим» обусловлено тем, что оно не требует усилий, это энергосберегающий режим функционирования. Напротив, все подлинно человеческое энергозатратно, оно не протекает автоматически, не порождается причинно-следственными связями и требует усилий, которые, безусловно, окупаются, но сама необходимость их отвращает многих от человеческого пути. Путь наименьшего сопротивления одновременно является и путем наименьшей реализации человеческих возможностей. Одним из проявлений искушения субчеловеческим служит современная массовая культура, которая представляет собой культуру расслабления, в отличие от традиционной культуры усилия (см. подробнее (26)).

Третий тезис: именно то, что в нашей жизни, помимо необходимого, существует сфера возможного, вводит в жизнь человека измерение самодетерминации и автономии. Этим, в частности, предлагаемый подход отличается от известной теории автономии и самодетерминации Э. Деси и Р. Райана — очень умной, стройной, тонкой, изящной, богатой по своим возможностям, многократно и убедительно эмпирически подтвержденной и крайне эффективной и разносторонней в своих приложениях (см. [73]). Несмотря на это, при подробном ознакомлении с этой теорией оставалось ощущение какого-то неустранимого противоречия, которое автору удалось осознать лишь недавно. Согласно теории Э. Деси и Р. Райана, автономия и самодетерминация возникают сами, автоматически, в результате определенного процесса эволюционного развития механизмов саморегуляции как высший ее уровень, т.е. детерминированно, причинно

обусловленно. Потребность в автономии постулируется как одна из трех базовых потребностей человека, и множество эмпирических данных подтверждают, что удовлетворение этой потребности ведет к улучшению здоровья и росту психологического благополучия, а ее фрустрация — к противоположным эффектам. Не парадокс ли, однако, утверждать, что автономия и способность к самостоятельному причинно обусловленному выбору возникают в результате причинно детерминированного процесса? В этой теории недостает ответа на главный вопрос о том, для чего человеку автономия и самодетерминация, вопрос об их смысле.

Наш ответ на этот вопрос таков: ***автономия и самодетерминация нужны человеку для того, чтобы ориентировать наше поведение в пространстве возможного.*** Если все необходимо и причинно обусловлено, то автономия личности лишена практического смысла. И наоборот, если мы признаем пространство возможного, то без идеи самодетерминации не обойтись, потому что ***превращение возможности в действительность происходит только через недетерминированный (точнее, самодетерминированный) выбор и решение субъекта.*** В сегодняшней психологии уже привыкли к таким понятиям, как «смысл», «ценности», «истина», но еще недостаточно осознали их отличие от более традиционных конструкторов. Это отличие связано с тем, что все они не являются автоматическими, самостоятельно срабатывающими механизмами; их влияние на человеческую жизнедеятельность реализуется только через самоопределение субъекта по отношению к ним, через осознание и непреднамертанный ответственный выбор. Когда субъект противопоставляет свое сознательное решение автоматически срабатывающим механизмам, он вводит в регуляцию своей жизнедеятельности новые, более высокие принципы регуляции и организации собственной деятельности и из режима детерминированности переходит в иной режим функционирования — режим самодетерминации.

Самодетерминация работает по неклассическому принципу архимедова рычага: дайте мне точку опоры, и я переверну Землю. Архимеду не доставало точки опоры вне того места, где он находился.

Для воздействия не на тела небесные, а на самого себя также необходима внешняя точка опоры, в которую можно поставить психологический рычаг; нельзя вытащить себя за волосы из болота, как барон Мюнхгаузен. Еще Л. С. Выготский отмечал, что управлять собой непосредственно нельзя, но можно опосредованно, через внешнюю, культурную точку опоры, в которую упирается орудие. То, что мы обнаруживаем в пространстве возможного, способно выступать в качестве этой внешней точки.

Четвертый тезис говорит о текучести грани и сложном динамическом характере взаимодействия между необходимым, т.е. детерминированным, и возможным, т.е. самодетерминированным. ***Степень детерминированности, т.е. необходимости одних и тех же психологических феноменов, может различаться у разных людей и меняться у одного человека на протяжении жизни.***

По мере личностного развития как негэнтропийного движения от простого к сложному меняются управляющие им законы детерминации и законы регуляции жизнедеятельности. В младенческом возрасте поведение действительно может исчерпывающе описываться через взаимодействие личности (точнее, внутренних диспозиций) и ситуации. По мере развития могут складываться также новые механизмы и системы регуляции, хотя у многих людей этого не происходит. В опубликованной нами «мультирегуляторной модели личности» [34] описаны семь взаимодополняющих механизмов регуляции человеческого поведения. Каждая из семи регуляторных систем представляет собой отдельный элемент (в смысле Л. С. Выготского), который сам по себе не может функционировать. Единицы — это более сложные целостные принципы организации жизнедеятельности. К предварительным попыткам описать такие целостные структуры можно отнести типологию жизненных миров [25]. Попытка рассмотреть общую организацию жизнедеятельности человека еще более целостно приводит к формулированию такой междисциплинарной области исследований, как ***дифференциальная антропология***, в которой рассматриваются различия людей по качественным характеристикам способов организации жизни, восприятия мира, не сводимые к

распределению в популяции отдельных признаков. ***Вариативность людей проявляется не просто в выраженности тех или иных потребностей и других индивидуальных особенностей, а в качественной разнородности форм саморегуляции, самоорганизации и отношений с миром.*** Качественная разнородность людей имеет под собой объективную основу. Однако она определяется не априорным разделением людей по «кастам», а мерой их индивидуального продвижения по пути очеловечивания, их индивидуальной онтогенетической эволюции, являющейся следствием их личного выбора и усилия, даже если учитывать огромный разброс наследственных и средовых предпосылок [37].

Вообще расхожие представления о высокой степени детерминированности нашей психологии, личности и жизненного пути представляются сильно преувеличенными. Когнитивной основой этого искажения служит то, что про механизмы детерминированности человеческой жизни, их обусловленность генетическими, средовыми и ситуационными факторами известно неизмеримо больше, чем про механизмы самодетерминации и выбора, изучение которых только начинается. Мотивационной основой этого искажения служит то, что образ человека, детерминированного наследственностью и средой, не в пример проще и понятнее, чем образ свободного человека, на свой страх и риск прокладывающего свою траекторию движения в неопределенном мире. Именно поэтому люди, не исключая и представителей академического сообщества, в гораздо большей степени готовы сконструировать и принять для себя собственную детерминированность, чем поставить на собственную свободу и автономию. Важно подчеркнуть, что, как следует из сказанного выше, речь идет не столько об общих объективных закономерностях, сколько о том, как каждый индивидуально конструирует и тем самым определяет для себя собственные границы. Латинское слово *termini* означает границу, межевой столб. Детерминация — это, буквально, установление границ, самодетерминация - установление границ самому себе. В США автор видел на бампере автомобиля наклейку следующего содержания: «My God is alive and well. Sorry about yours» («Мой Бог жив и здоров. Сожалею по поводу вашего»). Аналогично, если кто-то

говорит, что все в жизни детерминировано, предназначено и сделать ничего нельзя, единственным адекватным ответом будет: «Сочувствую. А у меня иначе».

Пятый тезис: ключевую роль в механизме самодетерминации как произвольного воздействия субъекта на причинно-следственные закономерности, влияющие на его жизнедеятельность, играет сознание. Определяется ли оно бытием или, напротив, определяет бытие, — еще одна бинарная оппозиция, требующая более диалектического подхода. Трудно оспаривать, что бытие определяет сознание человека в очень многих отношениях, но это еще не вся правда. Бытие определяет сознание, однако на определенном уровне развития сознания при определенных предпосылках может возникать (но не обязательно возникнет) обратное движение, сознание может начать определять бытие (разумеется, не всецело, а в каких-то рамках). **При этом речь идет не просто о сознании, а о рефлексивном сознании, осознающем не только окружающий мир, но и мое Я; в нем разделены содержательно наполненный образ Я и Я как внутренний центр, как единственная тонка отсчета, откуда может брать начало автономная активность.** Без ощущения Я как внутреннего центра не может быть рефлексивного сознания и наоборот (см. [35]): рефлексивное сознание подразумевает не просто взгляд внутрь себя, а взгляд со стороны на себя в мире, установление дистанции и занятие позиции по отношению к самому себе как фактическому, состоявшемуся Я. Только человеку, но не всякому и не всегда, удастся взглянуть на себя со стороны и увидеть себя в ситуации, одновременно замечая разные открывающиеся ему возможности. По сути, за разными возможностями, из которых человек выбирает, стоят разные возможные Я; личностный выбор — это всегда выбор одного из возможных вариантов себя [17]. Не случайно в последние два десятилетия в западной психологии пользуется большой популярностью понятие «возможные Я» (possible selves [78]). Можно предположить, что осознание пространства возможного и рефлексия собственной ситуации выбора являются необходимой предпосылкой автономной, самодетерминируемой жизнедеятельности.

Весьма полно и лаконично дилемму жизнедеятельности, управляемой сознанием, и жизнедеятельности, управляемой механической причинностью, описал еще в позапрошлом веке В. Розанов: «Двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первой я разумею жизнь, которая управляется причинами, под второю — жизнь, которая управляется целью.

Жизнь, управляемую причинами, справедливо назвать бессознательной; это потому, что хотя сознание здесь и участвует в деятельности человека, но лишь как пособие: не оно определяет, куда эта деятельность может быть направлена и также — какова она должна быть по своим качествам. Причинам, внешним для человека и независимым от него, принадлежит определение всего этого. В границах, уже установленных этими причинами, сознание выполняет свою служебную роль: указывает способы той или иной деятельности, ее легчайшие пути, возможное и невозможное для выполнения из того, к чему нудят человека причины. Жизнь, управляемую целью, справедливо назвать сознательной, потому что сознание является здесь началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цепь человеческих поступков; и также — устройство их всех по плану, наиболее отвечающему достигнутому...» [58; 21].

Таким образом, влияние бытия на сознание является относительно универсальным и постоянным, а влияние сознания на бытие — вариативным и не всегда вообще проявляющимся. Включение рефлексивного сознания, позволяющее выйти из режима детерминизма и увидеть вариативные возможности, предполагает определенное внутреннее усилие, которое должно постоянно поддерживаться; расслабление приводит к автоматическому «выпадению» из режима рефлексивного сознания. Когда же рефлексивное сознание присутствует, оно может оказывать влияние на бытие, что отражается в соотношении детерминации и самодетерминации в данной конкретной ситуации. При этом, если законы детерминизма не допускают особых вариаций, детерминация универсальна, то самодетерминация индивидуальна, и мы сталкиваемся в соответствующих ситуациях с очень большой индивидуальной вариативностью. Равнодействующая тех и других

законов может быть очень разной, они вступают между собой в сложное взаимодействие, вследствие которого законы, определяющие поведение разных людей, не совпадают.

Шестой тезис связан со спецификой обработки эмпирических данных. Из сказанного выше вытекает неоднородность ковариационных связей между одними и теми же переменными не только в разных выборках (это уже давно выступает объектом анализа), но и при разных значениях этих переменных, на разных полюсах измерительных шкал. Например, по данным применения методики атрибутивных стилей М. Селигмана, используемой для диагностики оптимизма/пессимизма, и ее русскоязычных модификаций (см. [10]), пессимизм значительно теснее связан с другими переменными, чем оптимизм.

Для некоторых других переменных, где удастся дифференцировать «высокие» и «низкие» группы по данному показателю, также выявляется общая закономерность: негативные (с точки зрения психологического благополучия и личностного развития) показатели обнаруживают заметно более густую сеть значимых корреляционных связей с другими переменными, чем позитивные. Мы объясняем это тем, что ***при более низком уровне личностного развития связи между переменными носят больше жесткий, детерминистический характер, а на высоком уровне развития одни выступают по отношению к другим лишь как предпосылки, не предопределяя их однозначно.*** Об этом же, по сути, говорят любопытнейшие данные об асимметрии генетической обусловленности положительных и отрицательных состояний и об изменении меры их генетической обусловленности под влиянием взаимоотношений в семье. Так, А. Теллеген и соавт. [81] при проведении близнецовых исследований обнаружили, что гены объясняют 55% дисперсии негативной эмоциональности и лишь 40% позитивной, а семейное окружение — соответственно 2% и 22%. Еще более убедительные данные были получены А. Кнафо и Р. Пломином при изучении альтруизма на 9300 близнецовых парах с учетом стиля воспитания в семье [76]: во всех возрастах негативный стиль (принуждение, отрицательные эмоции) позволяет ярче проявиться генетической предрасположенности (близнецы более схожи между собой и

менее альтруистичны), а позитивный (преобладание положительных эмоций, отсутствие принуждения) не только способствует формированию альтруизма, но и приводит к увеличению внутривидового разброса, к индивидуализации и снижению доли генетической детерминации этих процессов и, по всей видимости, помогает преодолеть биологическую заданность и усилить влияние факторов среды, выступая предпосылкой индивидуального развития. Вспомним также, что еще К. Левин [20] усматривал различие между психологическими ситуациями награды и наказания в том, что ситуация, в которой основным побудителем желательного поведения выступает страх наказания, заставляющий делать то, что не хочется, оказывается психологически закрытой, детерминированной, из нее нельзя выйти, не подвергнувшись негативным санкциям. В отличие от нее ситуация позитивного вознаграждения более открыта, оставляет ребенку больше возможностей выбора и не предопределяет его действия так жестко. Таким образом, *если эгоизм и негативная эмоциональность сильнее причинно обусловлены на генетическом уровне, то позитивная эмоциональность и альтруизм существуют больше как возможности, развивающиеся при определенных условиях и предпосылках через преодоление генетически заложенных негативных предпосылок и больше зависящие от ситуации развития. Само личностное развитие протекает в направлении от генетически обусловленных универсальных структур к менее универсальным структурам, изначально существующим в модальности возможного.* Не случайно по обобщенным данным, полученным в позитивной психологии, около 40% дисперсии субъективного благополучия определяется индивидуальными выборами и усилиями субъекта, не вытекающими из каких-либо априорных диспозиций (см. [77]). Можно предположить, что эта доля будет больше у личностей более высокого уровня развития и меньше у менее развитых. Слегка упростив этот тезис, можно констатировать, что в более примитивной личностной структуре все оказывается максимально однозначным, детерминированным, а при более сложной структуре система взаимосвязей оказывается более свободной и многозначной; это вновь заставляет вспомнить упоминавшуюся выше идею В. С. Мерлина [49] о том, что рост структурной

сложности системы закономерно приводит к повышению многозначности связей между ее элементами.

Седьмой тезис: эмпирическим индикатором действия в поле возможного, а не необходимого служит неспровоцированный выход за задаваемые ситуацией рамки. Хорошей иллюстрацией являются известные исследования творчества [4], демонстрирующие, что высший уровень развития творчества проявляется тогда, когда испытуемые выходят за рамки поставленной им задачи и самостоятельно обнаруживают в ситуации новые возможности, которые они выбирают в качестве основания для своей последующей активности. Характерно, что, как отмечает Д. Б. Богоявленская [4], на этом уровне есть основания говорить уже об изменениях личности в целом, а не только творческого потенциала.

Другие данные, подкрепляющие и уточняющие этот тезис, были получены в исследованиях под руководством автора. В диссертационном исследовании Е. Ю. Мандриковой ([47]; см. также [40]) удалось экспериментально выделить различные типы и механизмы личностного выбора: 1) реактивный тип, лишенный осмысления оснований выбора и управляемый случайными причинами, 2) активный выбор неизменности, опирающийся на стремление к сохранению статус-кво и отказ от новых возможностей, 3) активный выбор неизвестности, выражающийся в рискованном предпочтении неясных альтернатив. Последний тип, в отличие от первых двух, опирается на аргументы смыслового плана, основанием выбора служат возможности, а не фактичность. Испытуемые, характеризовавшиеся этим типом выбора, отличались от других групп значительно более высоким уровнем осмысленности жизни, автономии в принятии решений, оптимизма, толерантности к неопределенности, жизнестойкости и стремления к изменениям.

В другой работе [39] была апробирована методика диагностики мировоззренческой активности: испытуемые должны были оценить в процентах степень согласия с каждым из двух вариантов ответов на вопросы мировоззренческого характера; по желанию они могли также сформулировать собственный вариант ответа. Те, кто вышел за пределы

необходимости и воспользовался возможностью дать свой вариант, отличались значимо более высокой толерантностью к неопределенности, стремлением к изменениям и показателями по отдельным субшкалам теста смысложизненных ориентации. Совсем недавно с помощью этой методики было обнаружено, что студенты, занимающиеся «надситуативной» волонтерской деятельностью по собственному выбору и решению, отличаются значимо более высоким уровнем мировоззренческой инициативы [18]. И в том и в другом случае испытуемые оказывались в ситуации, в которой они могли вести себя по задаваемым извне правилам и шаблонам или же обнаружить в ситуации возможность для недетерминированного действия. Результаты свидетельствуют о том, что *по мере личностного развития и самодетерминации возрастает склонность ориентироваться на осмысленные и вариативные возможности в противовес однозначной необходимости.*

Эти и другие феномены иллюстрируют идею неадаптивности как способности действовать за пределами ситуативной необходимости, трансцендировать за границы предустановленного, последовательно разрабатываемую в психологии на протяжении трех десятилетий В. А. Петровским [53] — [55]. Практически, предлагаемый подход иным путем приводит к идеям, весьма созвучным тем, которые В.А. Петровский развивает в своих моделях субъектности.

Восьмой тезис конкретизирует мысль о снижении жесткости причинных связей между переменными на высших уровнях личностного развития через введение понятия «предпосылка». Причины, или детерминанты, явлений оказывают симметричное действие: пусть А является причиной Б, тогда если имеет место А, то имеет место и Б, а если нет А, то нет и Б. Влияние предпосылки лишено симметрии: если В является предпосылкой Г, то в отсутствие В не может быть Г, однако наличие В не ведет автоматически к Г, оно создает лишь возможность для него, которая может или осуществиться, или нет. Например, функциональная зрелость и отсутствие серьезной органической патологии головного мозга являются в этом смысле предпосылками, но не причинами сложной интеллектуальной деятельности, которую они никоим образом не гарантируют; вместе с тем при наличии серьезных нарушений в работе

мозга такая деятельность вряд ли возможна. Таким образом, по мере восхождения к более сложным и совершенным формам и механизмам человеческой жизнедеятельности и психологических процессов их причины начинают все больше замещаться предпосылками, которые, в отличие от причин, порождают не необходимые следствия, а возможности, тогда как их отсутствие — невозможность. Приведем следующий пример. А. Маслоу в интервью, данном им незадолго до своей смерти, признался: его убеждение в том, что полноценное удовлетворение всех базовых потребностей порождает движение к самоактуализации, не получило подтверждения в экспериментах, так как некоторые люди в этих условиях движутся в предсказанном направлении, а некоторые нет. Оказалось, что невозможно выстроить такую систему условий, которые порождали бы творчество и самоактуализацию как неизбежное следствие [74; 139]. В этом примере удовлетворение потребностей выступает не детерминантом самоактуализации, а ее предпосылкой, порождающей ее возможность, но не необходимость.

Неразличение детерминант и предпосылок также может служить причиной ошибочных суждений относительно детерминированного характера некоторых явлений, основывающихся на корреляционных взаимосвязях. Приведем такой пример: с помощью корреляционного анализа несложно установить значимую связь между наличием у зданий в некотором населенном пункте первого этажа и наличием второго. Кросс-секционные, лон-гитюдные и другие схемы исследования могут достоверно установить и направление этой связи: именно наличие первого этажа обуславливает наличие второго, но не наоборот. Однако ошибочным был бы вывод о том, что первый этаж детерминирует второй: он является его необходимой предпосылкой, обеспечивая возможность второго этажа, но реализуется ли эта возможность, зависит совсем от других факторов, а не от наличия первого этажа.

Девятый тезис — признание психологической реальности и значимости категории возможного переносит нас из ясного и четко структурированного мира в мир, где господствует неопределенность, и совладание с ее вызовом выступает залогом адаптации и эффективного функционирования. Именно таков мир экзистенциального миропонимания,

рисуемый философами и психологами этого направления со времен С. Кьеркегора (см. [22], [23], [38]). Лишь в последнее время, однако, эти идеи начинают приобретать более широкое признание и оказываются созвучны не только современной психологии в целом, но даже естественным наукам. Так, по мнению И. Пригожина [57], сегодняшняя наука несводима ни к материализму, ни к детерминизму, и признание нестабильности и непредсказуемости как сущностной характеристики природы закономерно ведет к изменению ее облика. «Следует лишь распроститься с представлением, будто этот мир — наш безропотный слуга. ...Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас поверить в это)» [57; 51]. Вывод о том, что параметр «определенность/неопределенность» является основополагающим для сознания и мировоззрения целых культур, следует, в частности, из анализа частотных словарей: определенные артикли являются самыми частотными словами во всех языках, где они имеются (см. [68; 237]). «Определенный артикль, the, и есть искомое философское слово слов, выдвинутое самим языком на первое место среди бесчисленных актов говорения о мире. В какие бы предметные сферы ни заходил язык, без артикля как различающего элемента не обойтись в большинстве высказываний» [68; 238]. Характерно, что в русском языке такой языковой единицы нет, и проблема различения определенного и неопределенного, сказки и были, идеала и реальности, факта и иллюзии, цели и миража у носителей русского языка достаточно традиционна.

Десятый тезис утверждает, что сопряжение определенности и неопределенности как двух аспектов бытия и сознания вряд ли возможно в поле детерминированности. Однако *введение категории возможного позволяет описать цикл экзистенциального взаимодействия субъекта с миром, в котором находит место как ориентация на определенность, так и ориентация на неопределенность* [27]. Прототипической моделью такого цикла выступает «модель Рубикона», разработанная Х. Хекхаузенем в соавторстве с Ю. Кулем и П. Голвитцером [67]. Эта

модель описывает динамику целенаправленного действия как переход от «мотивационного состояния сознания», максимально открытого по отношению к получению новой информации и взвешиванию имеющихся возможностей, к «волевому состоянию сознания», когда решение уже принято, действие обретает конкретную направленность и сознание «закрывается» от всего, что может эту направленность поколебать. Переход от первого ко второму происходит резко, в акте принятия субъектом внутреннего решения (переход Рубикона). Б. М. Величковский ([5], [6]) экспериментально обнаружил и описал два качественно разных типа переработки информации - амбиентный и фокальный; первый характеризуется равнозначной открытостью к любой новой информации, а второй, напротив, — селекцией и фильтрацией информации, подчиненной текущей задаче. Как показано в исследованиях и Х. Хекхаузена с соавт., и Б. М. Величковского, оба типа качественно разнородных процессов представляют собой естественно сменяющие друг друга равно необходимые фазы единого цикла действия или познавательной переработки.

Это позволяет по-новому посмотреть на соотношение открытости (толерантной восприимчивости) и закрытости (эгоцентрического воздействия) в отношениях человека с миром, увидев в них две сменяющие друг друга фазы единого цикла экзистенциального взаимодействия субъекта с миром. Главным содержанием фазы открытости являются расширение спектра возможностей действия, которые может обнаружить для себя субъект, максимизация потенциальных смыслов, которые может нести в себе ситуация, и самоопределение по отношению к ним, раскрытие потенциала свободы. Главным содержанием фазы закрытости является сужение спектра возможностей, совладание с их избыточностью через осуществление выбора и переход к реализации, преодоление неопределенности, раскрытие потенциала ответственности. Разрыв этих двух фаз и абсолютизация одной из них приводят к неполноценному, однобокому взгляду на человеческое существование: абсолютное познание и понимание, оторванное от выбора и реализации, так же неполноценно, как абсолютная целенаправленность

и реализация, оторванная от понимания и осмысления возможностей. Редукция фазы открытости приводит к ригидности и упрощенности жизненного мира, снижению регуляторной роли сознания. Редукция фазы закрытости приводит к тирании «всевозможности» [42], к бесконечной и безответственной игре смыслами, изъятыми из контекста собственного бытия в мире. Речь идет фактически о двух типах нарушения саморегуляции, к которым можно, вслед за А. Маслоу [48], применить понятие «метапатология»; их можно назвать «синдром Макбета» и «синдром Гамлета» (подробнее см. [27]).

Одиннадцатый тезис раскрывает механизм воплощения возможности в действительность, в реальное действие, имеющее для субъекта последствия. Именно здесь гуманитарная психология, изучающая неисчислимы миры смыслов, вееры возможностей, открывающихся нам через рефлексивное сознание, смыкается с экзистенциальной психологией, в центре которой находятся самодетерминируемое решение и действие.

Как можно представить себе этот процесс? Первым и необходимым этапом является, безусловно, усмотрение, раскрытие соответствующей возможности, которое, однако, необходимо, но не достаточно. *Возможности никогда не воплощаются в действительность сами, это происходит только через деятельность субъекта, который воспринимает их как возможности для себя, что-то из них выбирает и делает свою «ставку», вкладывая себя и свои ресурсы в реализацию выбранной возможности. Субъект принимает на себя ответственность за реализацию данной возможности, внутреннее обязательство перед самим собой вкладывать усилия для ее реализации. В этом переходе происходит трансформация: возможное — ценное (осмысленное) — должное — цель — действие.*

Спектр возможных для субъекта в данный момент вариантов действия может быть очень широк. Среди них есть и бессмысленные, внеконтекстные, и саморазрушительные возможности (например, возможность суицида). Однако житейское, обыденное понятие возможности подразумевает обычно только осмысленную возможность.

В. Франкл определял смысл как возможность на фоне действительности [65]. Если некоторые из возможностей представляются субъекту ценными, хорошими, привлекательными или иным образом осмысленными, они обретают, наряду с осуществимостью, атрибут осмысленности. Первый переход в процессе воплощения возможности в действие связан поэтому с сужением спектра принимаемых во внимание возможностей, исключение из их числа тех, которые субъект не воспринимает как привлекательные, осмысленные, ценные альтернативы.

Следующий шаг рассматриваемого перехода связан с определением субъекта по отношению к ряду осмысленных возможностей, которые не могут быть все реализованы и требуют установления приоритетов. Субъект занимает особую внутреннюю позицию по отношению к тому, что он принимает как должное, формируя готовность и беря на себя ответственность за ее реализацию. Эта ответственность предполагает внутреннее согласие затратить ресурсы и усилия и заплатить некоторую цену за ее реализацию, например, отказавшись от других привлекательных возможностей. Возможность, по отношению к которой субъект определился подобным образом, становится для него должным. Как убедительно показал М. Н. Эпштейн (69), должное является разновидностью возможного, а не формой необходимости. Любое долженствование предполагает возможность соблюдения нормы и возможность ее нарушения; выбор зависит от нашего ответственного решения, пусть даже соблюдение нормы поощряется, а нарушение наказывается. Поэтому в форме морали в регуляцию поведения вовлекаются личная ответственность и выбор самих субъектов (см. подробнее [32]).

Однако и обретение возможностью статуса должного не является конечным звеном рассматриваемого перехода. Существует некоторый неустранимый зазор между формированием цели и принятием решения «в принципе» реализовывать данную осмысленную возможность и началом действия по ее фактической реализации. Его преодоление требует внутреннего шага, который описывался в психологии через известные метафоры «fiat» (да будет!) [12] и «перехода Рубикона» [67]. Важно, что

момент фактического начала действия ничем не детерминирован — он может оттягиваться, а может ускоряться, но всегда определяется самим субъектом. Сделка считается заключенной не тогда, когда договаривающиеся стороны согласовали все условия, а когда они ударили по рукам — совершили символический акт, который знаменует необратимый переход в иное состояние. Это точка принятия ответственности, вложения себя в поступок. «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним» [3; 37]. Сам выбор этой точки не может получить причинного объяснения ни в одной теории. Она знаменует собой переход от просто ценного к тому, что становится для меня должным и начинает определять мои действия независимо от того, как давно была содержательно сформулирована цель или договоренность. Этот шаг завершает цепь перехода: возможное - осмысленное — должное — цель — действие. Экзистенциальная психология занимает ключевое положение на стыке гуманитарного и естественнонаучного аспектов человека, потому что она изучает сам переход от возможного через должное к императивному; далее реализация уже принятого решения может подчиняться каузальным закономерностям, описываемым традиционной психологией.

Во всех звеньях упомянутого перехода решающую роль играет рефлексивное сознание субъекта. Если оно неразвито или просто дремлет, субъект не в состоянии проделать работу по открытию и селекции возможностей и переходу к осмысленному целеполаганию. Эту работу может манипулятивно проделать за него другой, предлагая уже готовую цель в качестве заведомо ценного и должного; субъекту остается только «взять под козырек». Именно этот механизм искусственного «спрямления» пути от многообразия возможностей к единственной принимаемой здесь и теперь цели активно используется в рекламе, политической и религиозной пропаганде, межличностных манипуляциях. Биологический императив минимизации энергозатрат объясняет ту поразительную готовность, с которой многие люди склонны принимать заданные извне цели, не рассматривая возможных альтернатив.

ОТ ДЕЙСТВИЯ К ПОСТУПКУ

Сформулированные выше контуры психологии возможного, которые обобщают основные позиции антропологической модели, сложившейся в последние годы и отраженной в ряде публикаций ([23], [32; 135] — [37]), обозначают новые задачи и позволяют увидеть новые вызовы как для исследователей, так и для практиков.

Ключевой проблемой видится сам переход из режима детерминированности в режим самодетерминации при подключении рефлексивного сознания. По-видимому, именно при включении рефлексивного сознания становится возможным отклонение от предсказуемой детерминистической логики действий. Довольно давно Е. В. Субботский [62] предложил методический прием, позволяющий зафиксировать наличие у ребенка определенных смысловых образований и их влияние на поведение: признаком этого служит отклонение его поведения от пути, предполагаемого «интеллектуалистической презумпцией объяснения», от самоочевидной рациональности. По аналогии с этим мы можем усмотреть и феномены отклонения поведения от пути, предполагаемого «смысловой презумпцией объяснения», или «логикой жизненной необходимости» [34]; в этих случаях мы имеем основания предполагать переход из режима детерминированности в режим самодетерминации.

Сами механизмы перехода могут быть сформулированы на языке определенных психотехнических действий, или «экзистенциальных психотехник». Первые две из них автор помнит в форме наставлений, которые регулярно повторяла ему в детстве в соответствующих ситуациях его бабушка и которые интериоризировались в структуре его личности в виде действенных принципов саморегуляции.

«Экзистенциальная психотехника № 1»: «Остановись и сосчитай до десяти». Это позволяет создать основу самодетерминации — паузу между стимулом и реакцией, в которой Р. Мэй [79] видел место локализации человеческой свободы. Пауза, воздержание означает больше, чем отсрочка во времени, это разрыв некоторого автоматически действующего в собственном ритме механизма, «автопилота» нашего поведения. «Свобода воли и активность не совместимы с ритмом... Ритмом

я могу быть только одержим, в ритме я, как в наркозе, не сознаю себя» [2; 191]. Произвольная пауза выводит этот механизм из строя. Используя эту психотехнику, человек выходит из режима «естественного» реагирования на стимул и может начать строить свое поведение по-новому, исходя из своего экзистенциального Я как точки отсчета — при условии наличия у него ощущения этого внутреннего центра. «Хочешь сказать мелочь — считай до десяти, что-то серьезное — до ста. Хочешь совершить поступок — до тысячи» [13; 75]. М. К. Мамардашвили в своем «Введении в философию» объяснял, что Гамлет колеблется как раз потому, что он пытается выйти из жесткой предписанной последовательности событий [45]. С самого начала «понятно», что в этой ситуации предполагается делать, как реагировать. Но он пытается этого не делать, выйти из режима реагирования на стимулы, из цепи событий, из колеса судьбы. На протяжении всей пьесы, осознавая неумолимость этого колеса, где все предрешено, Гамлет пытается не исполнить роль, которая ему предписана. Итогом является неудача, зато героическая.

«Экзистенциальная психотехника № 2»: «Посмотри на себя со стороны». Как только мы включаем рефлексивное сознание, начинаем вдумчиво осознавать все варианты, все альтернативы, то обнаруживается парадоксальная вещь: в любой ситуации нет такого выбора, который мы не могли бы сделать. Мы можем сделать любой, даже на первый взгляд самый неоптимальный выбор, все альтернативы нам доступны. В этом и выражается режим самодетерминации: на этом уровне не действуют отговорки «а что я мог?», «у меня не было другого выхода», и слова «я не мог поступить иначе» означают лишь то, что цена, которую пришлось бы заплатить, поступив иначе, неприемлема для субъекта, и он отверг эту альтернативу.

Третья экзистенциальная психотехника связана с расщеплением чувства собственного Я на Я-образ и Я-центр, осознанием несовпадения того, какой именно я, как я отвечаю на вопрос «кто Я?», и той внутренней точки опоры, которая позволяет противостоять любым внешним стимулам, соблазнам и давлению. Фактически речь идет о разделении личности и индивидуальности в себе, ощущении себя личностью, критерием которой является саморегуляция, управление собой, своими действиями и

способность в какой-то степени влиять на происходящее со мной и вокруг меня. Личность может преодолевать любую фактичность, заданность того, «какой я», — я такой, каким я выбираю быть и каким я себя делаю. Личность как безграничная возможность строится на преодолении индивидуальности как фактичности.

Четвертая экзистенциальная психотехника связана с выявлением альтернативности любых выборов, возможности в любой ситуации найти неочевидные альтернативы, выбор между которыми определяется только нашими решениями. «Об Отто Уилле, легендарном терапевте, сообщается, что он периодически прерывал бесконечные размышления сильно скованного пациента с навязчивостями, высказывая предложения типа: "Послушайте, почему бы вам не сменить имя и не переехать в Калифорнию?"» [70; 243]. То же относится и к уже осуществленным действиям, которые мы выбрали, даже не заметив этого. «Ведь выбор — это не то, что мы должны сделать, стать кем-то еще (как часто понимают выбор). Выбор заключается в том, что мы реально делаем, уже делаем; все кажется, что еще выбираем, что мы еще на пороге выбора, а по факту уже выбрали и живем...» [16; 146].

Пятая экзистенциальная психотехника — экзистенциальный расчет как осознание цены, которую приходится платить за каждый из возможных выборов [15]. Особенность цены заключается в том, что согласие или несогласие на нее — всегда решение самого субъекта, которое не связано напрямую с величиной этой цены. Именно поэтому сколько-нибудь лично значимый выбор не может быть сведен к рациональным калькуляциям. Сами по себе такие калькуляции полезны тем, что позволяют более полно отрефлексировать саму структуру ситуации выбора, хотя решение из них вывести не получается.

Шестая экзистенциальная психотехника — принятие ответственности и вкладывание себя в избранную альтернативу. Под этим углом зрения то, как именно человек принимает решение, в какой степени принимает на себя ответственность за свой выбор и вытекающие из него действия, оказывается важнее, чем то, что именно он выбрал. Именно через механизм принятия личной ответственности в

поле детерминации человеческих действий входят этические нормы и заповеди (подробнее см. [32]).

Реализация этих шести психотехнических действий, которая, став привычной для зрелой личности, может протекать за доли секунды, позволяет перейти в режим самодетерминации. Именно к действию в режиме самодетерминации применимо понятие поступка, которое в последние годы все больше привлекает внимание психологов-теоретиков [1], [14], [56], [61]. Ранее, в 1940-е гг., понятие поступка пытались вписать в свои концептуальные системы А. Н. Леонтьев [21] и С. Л. Рубинштейн [59]. Во взглядах всех перечисленных авторов есть нечто общее: они придают большое значение понятию поступка и ценностно нагружают его; они определяют поступок через соотнесение с действием как его более «высокую» разновидность и/или через соотнесение с личностью как ее сущностное проявление; ни у одного из них понятие поступка, при всей его значимости, не оказало заметного влияния на дальнейшие исследования. Последнее относится к психологии в целом, не обнаруживающей готовности ассимилировать это понятие. Мы имеем в виду здесь и далее только русскоязычный контекст; на основные европейские языки это понятие неприводимо, хотя можно подобрать более или менее приблизительные его аналоги. Действительно, понятие поступка бросает вызов традиционному психологическому дискурсу. В традиционной психологии не находилось места понятию поступка из-за ее неспособности принять образ не человека, управляемого механизмами, но сознательного субъекта, находящего в мире основания для своих ответственно выбираемых действий.

Признаки, через которые психологи вводят и описывают понятие поступка, разнятся, хотя и образуют довольно гармоничное сочетание. А. Н. Леонтьев определяет поступок как действие над порогом ситуативной необходимости, «действие, судьба которого определяется не из наличной ситуации» [21; 202]. Е. Е. Соколова [61] подчеркивает обязательную полимотивированность поступка, вследствие которой его совершение выступает разрешением мотивационного конфликта. С. Л. Рубинштейн видит главное отличие поступка в осознанном

характере проявляемого в нем отношения [59; 23, 444—445]. Для В. В. Петухова и В. В. Столина [56; 29] квалифицирующим признаком выступают неопределенность ситуации и рискованность поступка, неявность его следствий. Наконец, В. П. Зинченко соотносит поступок с целостной, «собранный» личностью [14; 184—186]. Все эти характеристики складываются в понимание поступка как действия, не обусловленного данными в ситуации побудительными силами и причинами, а, напротив, трансцендирующего влияние ситуации благодаря активной роли «участного сознания» [3]; В. П. Зинченко отмечает, что поступки могут прерывать деятельность [14; 216]. Вместе с тем они не случайны, напротив, поступок служит особым моментом проявления личности [7; 73].

Вся совокупность указанных признаков хорошо согласуется с философским пониманием специфической причинности, лежащей в основе того, что мы называем поступком. М. М. Бахтин пишет: «Только признание моей единственной причастности с моего единственного места дает действительный центр исхождения поступка и делает не случайным начало, здесь существенно нужна инициатива поступка, моя активность становится существенной, долженствующей активностью» [3; 41]. С этим перекликается и философский анализ К. Войтылы: «Личность (или любое конкретное человеческое "я") может считать поступок результатом своей причинности, и в этом смысле — своим свойством, а также... полем своей ответственности [7; 138]. Поступку «К. Войтыла противопоставляет понятие «*uczynienie*», неудачно переведенное в цитируемом издании как «активация»; под «учинением» понимается действие, происходящее само по себе, без сознательной причинности. Оба автора при этом теснейшим образом связывают понятие поступка с понятием ответственности как осознанной *личностной причинности*.

Таким образом, поступок предстает как действие, не вписывающееся в традиционные схемы психологической причинности, но требующее признания иного рода причинности, опирающейся на ответственность, смысл и возможности. «Все содержательно-смысловое... — все это только возможности, которые могут стать

действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей» [3; 41]. При этом этимологически слово «поступок» связано со словом «ступать», основано на метафоре движения, точнее, продвижения по некоторому пути. Поступок всегда в определенном смысле продвигает субъекта как личность, в отличие от действия, которое в лучшем случае приближает к пели. То же относится к польскому «postępowanie» («делание»). «Делание всегда подразумевает следование определенному пути. Это следование пути, как и связанному с ним направлению, является не чем-то пассивным, результирующей того, что "делается" в человеке или с человеком, а чем-то в полной мере активным» [7; 356–357]. *Поступок можно, таким образом, определить как осознанное ответственное действие, основанное на личностной причинности и продвигающее личность в измерении личностного пути* (подробнее см. [24]).

Частным случаем поступка выступает такой самодетерминированный феномен, как подвиг, совершая который субъект преодолевает ситуационную обусловленность поведения. Ведь все давления, которым мы склонны поддаваться, локализованы в данной конкретной ситуации, и именно за ее пределами, в перспективе возможного, можно найти опору, позволяющую этим давлениям противостоять. Не случайно А. Н. Леонтьев писал: «...психологический механизм жизни-подвига нужно искать в человеческом воображении» [21; 159]. Действительно, только в воображении можно выйти за пределы императивной ситуации смертельной опасности и рефлексивно раскрыть более широкие контексты. Подвиг — это поступок парадоксальный, неоправданный с точки зрения низших биологических регуляторов, но уникальный и предельно осмысленный с точки зрения высших человеческих ценностей, интересов и внеситуативных регуляторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье была сделана попытка обобщить новое понимание ключевых ориентиров психологии личности, к которым автор двигался на протяжении последнего десятилетия. Отрефлексировав то,

что выступало в основной линии психологии личности на протяжении XX в. и продолжает выступать как «само собой разумеющееся», мы усмотрели в этом принципиальные ограничения для ее дальнейшего развития. С другой стороны, за последние полвека в психологию проникло несколько принципиально новых идей и способов понимания, которые породили на переломе веков немало подходов и концепций, принципиально отличных от господствующего, хотя их влияние на развитие научных исследований и преподавание психологии в мировом масштабе продолжает оставаться весьма ограниченным. На основе этих новых идей мы попытались выстроить контуры нового понимания личности, которое было бы адекватным запросам и задачам сегодняшнего дня и которое позволило бы вывести психологию личности на новый уровень осознания ее предмета, сферы компетентности, методологических и теоретических ориентиров, методических и прикладных возможностей.

Ключевым для нового понимания личности выступает расширение понятий о психологическом детерминизме. Введение категории возможного как одной из ключевых категорий персонологии позволяет увидеть взаимосвязь естественнонаучной и гуманитарной парадигм в человекознании, по-новому увидеть соотношение традиционной и экзистенциальной психологии, адаптивности и самореализации, бессознательного и сознательного функционирования, детерминированности и самодетерминации, свободы и судьбы, иначе поставить проблемы ответственности, выбора, рефлексивного сознания и саморегуляции, которые оказываются ключевыми в предлагаемом подходе. Речь идет, по сути, о попытке понять тот уровень активности человека, который обращен на себя самого и на преобразование того, что дано ему и как внешнее, и как внутреннее, раскрыть тезис «человек не только развивается, *но и строит себя*» [9; 58]. Этот подход не противопоставляет себя другим подходам в психологии личности, но скорее определяет их место и границы в общем понимании личности и раздвигает рамки этого понимания, выявляя актуальные «белые пятна», заслуживающие первостепенного внимания тех, кто работает в этой области. Эвристичность формулируемых здесь идей уже проявила и

продолжает проявлять себя в многообразных исследованиях, проводимых под руководством автора. Остается надеяться, что и другие исследователи найдут в предлагаемых ориентирах то, что может принести им пользу при решении задач, стоящих перед психологами в новом столетии.

Литература.

1. *Асмолов А. Г.* Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.
2. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–264.
3. *Бахтин М. М.* К философии поступка // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
4. *Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей. М.: ИЦ «Академия», 2002.
5. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл; ИЦ «Академия», 2006.
6. *Величковский Б. М.* Успехи когнитивных наук: технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. 2003. № 12. С. 87–93.
7. *Войтыла К.* Личность и поступок // Иоанн Павел II. Сочинения: В 2 т. М.: Изд-во францисканцев, 2003. Т. 1. С. 61–449.
8. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 6–328.
9. *Выготский Л. С.* Конкретная психология человека // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.
10. *Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Шевяхова В. Ю.* Диагностика оптимизма как атрибутивного стиля: Опросник СТОУН. М.: Смысл, 2009.
11. *Джеймс У.* Воля к вере. М.: Республика, 1997.
12. *Джемс У.* Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003.
13. *Жванецкий М.* Одесские дачи. М.: Время, 2006.
14. *Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997.
15. *Иванченко Г. В.* К определению понятия «экзистенциальный расчет» // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. С. Мазур, А. И. Сосланда. М.: Смысл, 2001. С. 54–57.
16. *Калитеевская Е.* Формирование личности гештальт-терапевта // Гештальт гештальтов. Евразийский вестник гештальттерапии. 2006. №1. С. 144–

151.

17. *Киркегор С.* Наслаждение и долг. К.: AirLand, 1994.
18. *Косова У. П.* Особенности мировоззренческой активности волонтеров // Высшее образование сегодня. 2010. № 4. С. 36–39.
19. *Лазарев Ф. В., Литтл Б. А.* Многомерный человек: Введение в интервальную антропологию. Симферополь: СОНАТ, 2001.
20. *Левин К.* Динамическая психология. Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
21. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; ИЦ «Академия», 2004.
22. *Леонтьев Д. А.* Восхождение к экзистенциальному миропониманию // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 3–12.
23. *Леонтьев Д. А.* Дискурс свободы и ответственности (доклад с обсуждением) // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 2006. № 5. С. 95–113.
24. *Леонтьев Д. А.* К психологии поступка // Экзистенциальная традиция в философии, психологии, психотерапии. 2006. № 2 (9). С. 153–158.
25. *Леонтьев Д. А.* К типологии жизненных миров // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 114–116.
26. *Леонтьев Д. А.* Культурное потребление в антропологическом и психологическом контексте // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И. М. Быховской. М.: Смысл, 2010. С. 217–241.
27. *Леонтьев Д. А.* Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова / Под ред. В. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. Вып. 2. С. 85–105.
28. *Леонтьев Д. А.* Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 134–147.
29. *Леонтьев Д. А.* Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сборник научных работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / Под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 205–225.
30. *Леонтьев Д. А.* О предмете экзистенциальной психологии // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. С. Мазур, А. И. Сосланда. М.: Смысл, 2001. С. 3–6.

31. *Леонтьев Д. А.* Перспективы неклассической психодиагностики [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон, науч. журн. 2010. № 4 (12). URL: <http://www.psystudy.com/index.php/num/2010n4-12/353-leontiev12.html>
32. *Леонтьев Д. А.* Причинность и объяснение в психологии личности: от необходимого к возможному // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVII. № 3. С. 127–142.
33. *Леонтьев Д. А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 1. С. 15–25.
34. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. 3-е изд. М.: Смысл, 2007.
35. *Леонтьев Д. А.* Рефлексия как предпосылка самодетерминации // Психология человека в современном мире. Т. 2: Проблема сознания в трудах С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе, Л. С. Выготского. Проблема деятельности в отечественной психологии. Исследование мышления и познавательных процессов. Творчество, способности, одаренность: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. /Отв. ред. А. Л. Журавлев и др. М.: ИП РАН, 2009. С. 40–49.
36. *Леонтьев Д. А.* Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества /Под ред. Е. И. Яцуты. Кемерово: ИПК «Графика», 2002. С. 3–34.
37. *Леонтьев Д. А.* Человечность как проблема // Человек — наука — гуманизм /Под ред. А. А. Гусейнова. М.: Наука, 2009. С. 69–84.
38. *Леонтьев Д. А.* Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Моск. психотерапевт, журн. 2003. № 2. С. 107–119.
39. *Леонтьев Д. А., Ильченко А. Н.* Уровни мировоззренческой активности и их диагностика // Психол. диагностика. 2007. № 3. С. 3–21.
40. *Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю.* Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 4. С. 37–42.
41. *Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю., Фам А. Х.* Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // Психол. диагностика. 2007. №6. С. 4–25.
42. *Лобок А. М.* Антропология мифа. Екатеринбург: Отд. образов, администр. Октябрьского р-на, 1997.
43. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
44. *Мамардашвили М. К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.
45. *Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.

46. *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. М.: РХГИ, 1997.
47. *Мандрикова Е. Ю.* Вилы личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006.
48. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
49. *Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
50. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. М.: НФ «Класс», 1994.
51. *Немировський В. Г.* Соціологічні аспекти дослідження смислу життя особи // Філософська думка. 1987. № 6. С. 66–75.
52. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
53. *Петровский В. А.* Личность в психологии. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
54. *Петровский В. А.* Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144,
55. *Петровский В. А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010,
56. *Петухов В. В., Столин В. В.* Психология: Методические указания. М.: Изд-во МГУ, 1989.
57. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопр. филос. 1991. № 6. С. 46–52.
58. *Розанов В.* Цель человеческой жизни (1892) // Смысл жизни: Антология / Под ред. Н. К. Гаврюшина. М.: Изд. группа «Прогресс–Культура», 1994. С. 19–64.
59. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.
60. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
61. *Соколова Е. Е.* Идеи А. Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: Школа А. Н. Леонтьева /Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 80–117.
62. *Субботский Е. В.* Изучение у ребенка смысловых образований // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1977. № 1. С. 62–72.
63. *Улановский А. М.* Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психол. журн. 2009. Т. 3
64. *Файзуллаев А. А.* Принятие мотива личностью // Психол. журн. 1985. Т. 6. № 4. С. 87–96.

65. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
66. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.
67. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е, перераб. изд. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2003.
68. *Эпштейн М. Н.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004.
69. *Эпштейн М. Н.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
70. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: НФ «Класс», 1999.
71. *Csikszentmihalyi M.* Introduction // M. Csikszentmihalyi, I. S. Csikszentmihalyi (eds). A life worth living: Contributions to positive psychology. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. P. 3–14.
72. *Dabrowski K.* Positive disintegration. Boston: Little, Brown, and Co, 1964.
73. *Ryan, R. M., & Deci, E. L.* An overview of self-determination theory: an organismic-dialectical perspective. In E. L. Deci, & R. M. Ryan, (eds.), Handbook of self-determination research. Rochester, N.Y: The University of Rochester Press, 2002. (pp. 3–33).
74. *Frick W.* Remembering Maslow: Reflections on a 1968 Interview // J. of Humanistic Psychol. 2000. V. 40. N 2. P. 128–147.
75. *Kashdan T.B.* New developments in emotion regulation with an emphasis on the positive spectrum of human functioning // J. of Happiness Studies. 2007. V. 8. P. 303–310.
76. *Knafo A., Plomin R.* Parental discipline and affection and children's prosocial behavior: Genetic and environmental links // J. Pers. and Soc. Psychol. 2006. V. 90. P. 147–164.
77. *Lyubomirski S.* The how of happiness. L.: Sphere, 2007.
78. *Markus H., Nurius P.* Possible selves // Amer. Psychologist. 1986. V. 41. P. 954–969.
79. *May R.* Freedom and destiny. N.Y.: Norton, 1981.
80. *Seligman M. E. P.* What you can change and what you can't. N.Y.: Knopf, 1994.
81. *Tellegen A. et al.* Personality similarity in twins reared apart and together / Tellegen A., Lykken D., Bouchard T., Wilcox K., Segal N., Rich S. // J. Pers. and Soc. Psychol. 1988. V. 54. P. 1031–1039.
82. *Vaillant G.* Aging well. Boston: Little, Brown, and Company, 2002